
Камила Левитан ✦ Виктория Шнайдер
Развод с предателем.
Ты оставил меня жить в машине,
но сам оказался за решёткой!

Виктория Шнайдер

Развод с предателем. Ты оставил меня жить в машине, но сам оказался за решёткой!

«Автор»
2026

Шнайдер В.

Развод с предателем. Ты оставил меня жить в машине, но сам оказался за решёткой! / В. Шнайдер — «Автор», 2026

Я двенадцать часов в сутки реставрировала старую мебель, чтобы содержать мужа и оплачивать его бесконечные бизнес-проекты. А он называл меня неудачницей и тратил мои деньги на любовницу.Однажды я вернулась домой и обнаружила, что муж продал квартиру, оставленную мне бабушкой.Без денег. Без крыши над головой. Вынужденная ночевать в собственной машине.Он был уверен, что я сломаюсь.Но одна встреча изменила всё.Артур Вольфович — богатый, властный мужчина, привыкший получать желаемое. Он предложил мне работу и шанс вернуть украденное.Теперь мой бывший муж узнает, каково это — потерять всё.А я наконец узнаю, что значит быть любимой.

© Шнайдер В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 14
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Камила Левитан, Виктория Шнайдер Развод с предателем. Ты оставил меня жить в машине, но сам оказался за решёткой!

Глава 1

Поверхность комода сопротивлялась шкурке. Старый лак забивал наждачку, и каждый проход приходилось делать с усилием, словно дерево внутри было живым и злым. Я давила большим пальцем в мягкую древесину, чувствуя, как под ногтем собирается грязь, смешанная с пылью от старого лака. Пальцы немели, суставы ныли; хотелось разжать руку и хоть минуту посидеть. Но до сдачи оставалось несколько часов, а Денис уже дважды спрашивал, когда будут деньги.

Комод был «карелкой», середины XIX века. Заказчик — человек с деньгами и без вкуса — хотел, чтобы он сиял, как новый, но сохранил «дух времени». Дух времени, мать его так, состоял из скрытой влажности и гнили в нижних ящиках. Лак трескался сетью микроканавок прямо на глазах. Если бы я остановилась сейчас, заказ провалился бы. Гонорар зависел и от результата, и от скорости сдачи. А мне нужны были деньги. Срочно. До приезда Дениса.

Я выдохнула и на секунду задержала дыхание, чтобы руки не дрожали. Если доведу комод до идеала, заказчик заплатит. Мы купим нормальный чай вместо пакетиков и, возможно, Денис перестанет смотреть на меня так, будто я ему должна за само существование рядом с ним. Его «временные финансовые трудности» затянулись на два года. Два года я откладывала покупку сапог, проходила мимо чайной лавки и донашивала рабочую куртку, чтобы у него хватало на стартап. Денис обещал: вот запустимся, и я смогу выбирать заказы, а не хвататься за каждый. Пока выбирать приходилось между обедом и новой банкой растворителя.

Телефон завибрировал на верстаке, заглушая шорох наждачки. Экран высветил имя: Денис. Сердце сделало предательский скачок вверх. Надежда? Или страх? Скорее второе.

— Алло? — голос вышел хриплым от пыли и молчания.

— Вер, ты где? — спросил он без приветствия. Голос был ровным, деловитым, таким, каким говорят с бухгалтером о квартальном отчете. — Мне срочно нужно тридцать тысяч. На серверы. Инвестор проверяет доступность API, если они упадут — все к чертям. Всё рухнет, Вера. Ты понимаешь?

Зажав телефон между плечом и ухом, я снова взялась за угол комода. Шкурка в пальцах хрустнула.

— Денис, гонорар придёт завтра после обеда. Я закончу комод сегодня ночью. Если перевести сейчас остаток... там двадцать восемь. И то, если не брать еду.

Пауза. Короткая, холодная тишина, от которой мурашки побежали по спине.

— Завтра поздно, — отрезал он. — Клиенты могут уйти в любой момент. Ты же знаешь, как быстро горят проекты. Просто переведи. Я верну через неделю.

— У нас нет недели, — сказала я тихо, глядя на трещину в лаке, которая теперь походила на осколок зеркала. — У нас нет даже завтрашнего дня нормально, если мы будем продолжать в том же духе. Я работаю двенадцать часов в сутки, чтобы закрыть твои дыры.

Снова пауза. Потом смех. Короткий, сухий, почти злой.

— Ой, ну хватит драматизировать. Твоё время стоит дешевле моего внимания к деталям бизнеса. Я создаю продукт. Ты протираешь пыль. Давай просто переведи, ладно? Не будь истеричкой.

Он повесил трубку раньше, чем я успела ответить. Экран погас, отражая моё лицо — бледное, с темными кругами под глазами и пятнами лака на щеке. Вот эту работу он назвал протиранием пыли. Я потёрла пятно большим пальцем, только размазала и опустила телефон на верстак.

Я могла бы ещё раз набрать его, объяснить про лак, про двенадцать часов на ногах. Но он ведь слышал. Слышал и засмеялся. Ему требовался перевод, а мои двенадцать часов только мешали получить его поскорее. Даже спросить, ела ли я сегодня, он не подумал.

Я открыла банковское приложение. Двадцать восемь тысяч — весь остаток — ушли Денису. Его «не будь истеричкой» всё ещё звучало в ушах. Я ненавидела себя за этот перевод, но палец уже нажал подтверждение.

Мне нужно было есть. Голод скручивал живот спазмами, мешая думать о работе. Я вышла из мастерской, захватив только сумку. Питер встречал меня сыростью и запахом мокрого асфальта. Октябрь в этом году выдался особенно жестоким: ветер пробирал до костей, заставляя сутулиться.

В магазине «Пятёрочка» на углу Невского и Литейного было людно. Люди с тележками, полными продуктов, с детьми на откидных сиденьях. Я взяла маленькую корзинку. Хлеб самый дешевый, батон нарезной. Молоко в самом дешёвом пакете. Лапша быстрого приготовления — упаковка, две пачки. Консервы. Я считала мелочь, перебирая монеты в кармане куртки. Рубль, пять рублей, десять. Мозг автоматически складывал суммы, отсекая лишнее. Я могла взять йогурт. Или яблоко. Но лучше две пачки лапши, чем один йогурт.

Кассирша, молодая девушка с веснушками и уставшими глазами, посмотрела на мои покупки, потом на меня. Она не сказала ни слова, но её взгляд скользнул по моей старой куртке, по потертости на сумке, по тому, как аккуратно я складываю сдачу в бумажник. Жалость. Чистая, неприкрытая жалость чужого человека.

Я опустила глаза на пакеты. Ещё утром на счёте были деньги, а теперь я торопливо прятала монеты, чтобы девушка не видела, как долго я их считаю. Лучше бы она спросила про пакет. На обычное «пакет нужен?» я хотя бы знала, что ответить. Схватила покупки, чуть не уронив их, и вышла на улицу. Ветер ударил в лицо. Шла быстро, почти бежала, стараясь не встречаться глазами с прохожими. Нужно было обратно к комоду, к кистям и лаку. Там никто не разглядывал мою корзинку, а за законченную работу мне должны были заплатить.

Когда я вернулась, было уже темно. Комод стоял посреди зала, ожидая финального покрытия. Я достала из шкафа запас редкого шеллачного лака. Тот самый, который берегла для себя, для реставрации бабушкиного буфета, если однажды смогу позволить себе купить дачу или хотя бы привести свою квартиру в порядок. Лак стоил дорого. Очень дорого. Но трещины нужно было замаскировать. Любой другой лак оставил бы след. Только этот давал «живой» блеск.

Руки тряслись, когда я открывала флакон. Запах спирта и смолы ударил в нос, вызывая легкое головокружение. Я начала работу. Каждый мазок кисти — как молитва. Прости, господи, что я такая слабая. Прости, что я не могу сказать ему «нет». Прости, что я продолжаю верить.

Лак лег ровно. Трещины исчезли, растворившись в золотистом блеске. Я отступила назад, вытерев лоб тыльной стороной ладони. Красиво. Идеально. Ни одного мутного пятна, ни одной полосы от кисти. За такую работу можно просить полную цену.

Я вытряхнула из флакона последние капли и поставила его на полку: для бабушкиного буфета не осталось ничего. Смотреть на пустое стекло было неприятнее, чем на свои потрескавшиеся пальцы.

Заказчик приехал раньше срока. Старый знакомый владельца мастерской, коллекционер с манерами барина и лицом, изъеденным морщинами презрения. Он обошел вокруг комода, не снимая очков в тонкой оправе. Щелкнул ящиком. Посмотрел на ножки. Поднес нос к поверхности, принюхиваясь.

— Влажность, — констатировал он сухо. — Вы маскировали дефекты воском и лаком, но структура дерева нарушена. Через месяц здесь появятся новые трещины. Я не буду платить полную сумму.

— Трещины были отмечены при приеме! — воскликнула я, чувствуя, как кровь приливает к лицу. — Мы согласовали восстановление отделки, а не замену древесины!

— Вы восстановили иллюзию, — поправил он, доставая кошелек. — Полторы тысячи. Остальные условия не соблюдены. Если будете спорить — напишу отзыв везде, где можно. Ваша студия еще зеленая, вам это не нужно.

Деньги лежали на столе. Малые купюры. За весь вечер работы. За лак, который стоил дороже этого чека. За унижение.

Я забрала деньги. Молча. Руки были ледяными.

Глава 2

Вышла из мастерской, когда часы показывали одиннадцать вечера. Нужно было домой. Дом был единственным местом, где я могла снять маску профессионала и просто побыть собой. Хотя «собой» я уже не помнила, какая она.

Подъезд пах мочой и дешевым табаком. Лампочку на лестнице разбили ещё неделю назад, никто не чинил. Экономия управляющей компании. Или равнодушие жильцов. Я поднялась на четвертый этаж, шаркая ногами по бетону. Ступенька за ступенькой. Тело просило отдыха, но разум требовал проверить почту, включить обогреватель, поставить воду на чайник. Маленькие ритуалы контроля над хаосом.

Дверь нашей квартиры была не закрыта. Совсем чуть-чуть. На миллиметр. Темный проем между косяком и полотном выглядел как глаз, наблюдающий за мной.

Инстинкт кричал: Опасность! Разум шептал: Это Денис. Он вернулся. Забыл закрыть. Он всегда так делает.

Я толкнула дверь плечом. Она скрипнула, впустив меня внутрь.

Тишина. Не та уютная, домашняя тишина, которая наполняла нашу двушку обычно. А глухая, вакуумная тишина кладбища. Свет не горел. Я щелкнула выключателем — ничего. Пробки? Отключили за неуплату? Но я оплатила коммуналку вчера. Из последних денег.

Шаги отдавались гулко в пустоте гостиной. Я включила фонарик на телефоне. Луч света выхватил из мрака коробку посреди комнаты. Картонную, открытую. Не мою.

Я подошла ближе. Внутри валялись пустые бутылки из-под виски. Дорогой бренд, этикетки с золотыми буквами. И туфли. Женские туфли на высокой шпильке, красные, лаковые. Они стояли косо, словно хозяйка бросила их впопыхах. Таких туфель у меня никогда не было. У меня вообще не было таких вещей. Ни одной.

Грабители не оставляют мусор и обувь. Мебель стояла на месте, зато кто-то пил дорогой виски в нашей гостиной и снимал здесь туфли. Пока я считала монеты у кассы. Я посветила на красный лак и отвела луч: страшно было искать остальные следы этой хозяйки.

На журнальном столике лежал конверт. Плотная бумага, печать нотариуса. Рядом — ключи от машины. BMW X5. Ключи от машины, которой у нас не было.

И записка. Почерк Дениса. Аккуратный, летящий. Им он писал мне любовные письма пять лет назад.

«Прости, дорогая. Долги были слишком большими, а ты слишком медленная. Квартиру пришлось продать срочно. Покупатель надежный, цена занижена, но зато быстро. Ты найдешь меня там, где я буду свободен. Не ищи. Это бесполезно.»

Мир качнулся. Телефон выпал из рук, упал на ковёр, продолжая светить лучом в потолок.

Я прочитала записку снова. И снова. Слова расплывались. Продана. Наша квартира. Та самая, которую завещала мне бабушка. Ту, где я выросла. Ту, где я собирала первые деньги на образование. Ту, где я думала, что безопасна.

Доверенность. Год назад. Денис сказал, что нужна подпись для оформления каких-то льгот по ипотеке. Я подписала вслепую, потому что ему нельзя было звонить в банк, он был на совещании. Потому что я доверяла ему больше, чем себе. Больше, чем здравому смыслу.

Он не просто проиграл деньги. Он использовал мою юридическую безграмотность против меня самой. Он знал, что квартира оформлена на меня. Он знал, что я подпишу любую бумагу, если он нажмет на нужные кнопки. Он не исчез от страха перед кредиторами. Он исчез, потому что получил то, что хотел, и больше не нуждался в «ресурсе» по имени Вера.

Его новая жизнь. Его свобода. Его пиарщица в красных туфлях.

Я стояла посреди собственной квартиры, которая больше мне не принадлежала. В кармане всё ещё лежали полторы тысячи от заказчика. Меньше, чем стоил бабушкин лак. Я потра-

тила его, чтобы спасти репутацию студии и добыть деньги для человека, который только что лишил меня крыши над головой.

Где-то за дверью, в соседней квартире, щелкнул замок. Звук был резким, как выстрел.

Я вздрогнула всем телом, оборачиваясь. Сердце колотилось где-то в горле. Мне показалось, что это вернулся Денис. Что он хочет забрать и остатки достоинства.

Но в дверь постучали. Вежливо. Три раза.

— Доставка! — крикнул голос за дверью. — Пицца!

Пицца в квартиру, которую продали час назад. В которой всё ещё стояла моя мебель и валялись чужие туфли. Продали стены вместе со мной, будто я тоже была ненужной вещью.

Я не ответила. Курьер ещё помедлил, потом зашуршал пакетами и пошёл вниз. Я слушала его шаги, пока не хлопнула подъездная дверь. Прислониться к стене, включить чайник, лечь на свой диван — всё было в двух шагах. А я стояла и боялась коснуться выключателя снова.

«Слишком медленная». Я снова подняла телефон с ковра и навела свет на конверт. Больше ни одной бумаги вслепую. Пусть теперь ждёт он.

Металл дверной ручки был ледяным. Я вышла из квартиры и притянула дверь к себе, но никак не могла попасть ключом в замочную скважину. Пальцы дрожали, ключ царапал накладку — этот скрежет разлетался по подъезду, резал уши. Родной дубовый шпон был всё тот же. Я прижалась к нему лбом и закрыла глаза. За дверью лежала записка Дениса. Оставаться с ней до утра я не могла.

— Вера? Это ты хлопаешь? — Голос соседки сверху, Анны Петровны, упал с лестничной площадки как приговор. Она выглянула из-за перил, запахнув халат. — Ты чего шумишь? У нас тишина должна быть.

Я сглотнула ком в горле, который не давал дышать. Стыд обжег щеки.

— Уже ухожу, Анна Петровна, — прошептала я, чувствуя себя мелкой воровкой в собственном доме. — Сейчас... сейчас позвоню мужу.

Анна фыркнула, но дверь за ней закрылась. Мужу. Денису. Я открыла его контакт и закрыла, не нажав вызов. После такой записки он вряд ли собирался отвечать. А квартира — это место преступления, а не дом.

Подъезд встретил меня сыростью и чужими запахами. Я спустилась по лестнице, не разжимая кулаков, и вышла во двор. Мороз ударил в лицо, машина стояла у подъезда, капот белым пятном в темноте.

Машина не заводилась. Старый Ford Focus, доставшийся мне от родителей, лишь жалобно чихал стартером, и я отпустила ключ, боясь окончательно посадить аккумулятор. Внутри пахло пылью и сырой обивкой. Из-под сиденья торчал край старого коврика; я подтянула ноги, чтобы не задеть его мокрыми ботинками. Здесь предстояло провести ночь. Надо было решить, кому звонить, прежде чем телефон сядет.

Я ударила кулаком по рулю. Один раз. Второй. Боль отдалась в костяшках, приятная, четкая, реальная. Лучше боль, чем этот звенящий вакуум внутри. Я достала телефон, чтобы позвонить Маше. Единственной подруге, которой я доверяла больше, чем себе самой. Мы были близки с университета: она тащила меня через развод моих родителей, я вытаскивала её из депрессий после расставаний.

Гудки. Длинные, мучительные. Потом щелчок.

— Вер? — голос Маши был тихим, сдавленным. На фоне слышался смех мужчины и звон бокалов.

— Маш, привет. Слушай, у меня... случилось. Можно я переночую? Хотя бы одну ночь. Я не буду мешать, просто полежу в гостиной.

Маша молчала. Я услышала, как рядом с ней звякнул бокал, и представила её диван, на котором уже сидит кто-то другой.

— Ой, Вер... Ну, неудобный момент. Тут ребята приехали, мы только начали...

— Я понимаю, — перебила я, хотя сердце пропустило удар. — Просто дай адрес ближайшей гостиницы, если знаешь недорогую.

— Там есть «Хостел на Невском», но он... ну, там специфично. Извини, Вер. Правда. Давай завтра созвонимся?

Короткие гудки отключили связь быстрее, чем я успела ответить. Я ещё несколько секунд держала телефон у уха. Раньше Маша сама клала мне подушку на диван: «Чего спрашиваешь, приезжай». Теперь за моей спиной слышались гудки, а за её — смех.

Я откинулась на спинку сиденья в холодной машине. Стекла запотели от моего дыхания. Мир за ними превратился в размытое пятно света и тени. Я обхватила себя руками и потянула воротник повыше. Ещё вчера злилась на эту машину за каждую поломку. Сейчас заперла двери, проверила обе кнопки и не могла придумать места, где мне было бы хоть немного спокойнее.

Глава 3

Утро встретило меня серостью и промозглым ветром, пробивающимся сквозь неплотно закрытые окна автомобиля. К восьми утра я была уже в кабинете юриста Игоря Сергеевича. Он сидел за столом, заваленным бумагами, и смотрел на меня поверх очков с выражением профессионального сочувствия, которое было хуже любого оскорбления.

— Вера Дмитриевна, — начал он, постукивая ручкой по столу. — Я посмотрел выписку из ЕГРН. Сделка прошла чисто. Покупатель — индивидуальный предприниматель, зарегистрирован месяц назад. Деньги ушли на счета третьих лиц. Формально нарушений нет.

— Но Денис! — мой голос сорвался на визг. — Он подделал документы! Он использовал мою доверенность!

Игорь вздохнул, убирая бумаги в сторону.

— Доказывать подделку подписи или принуждение нужно через суд. Полиция может открыть дело, но процесс займет годы. А пока квартира числится за новым владельцем. Вы понимаете, что оспорить продажу практически невозможно, если покупатель добросовестный? А он, скорее всего, именно такой.

Я смотрела, как он убирает выписку. В ней было несколько строчек о квартире, где я прожила столько лет. Он объяснил каждую — и ни одна не помогла. Я так и не села удобнее на стуле: пришла за выходом, а услышала, что ждать придётся годы. На улице пришлось остановиться у двери. Колени подгибались, хотелось вернуться и спросить ещё раз: совсем ничего нельзя сделать?

Голод скрутил живот спазмом. Я зашла в круглосуточную пекарню напротив метро. Воздух был густым от запаха дрожжей и корицы — сладким, почти тошнотворным. Люди вокруг смеялись, обсуждали планы на день, выбирали свежий хлеб. Я подошла к витрине, считая мелочь в кармане куртки. На нормальный завтрак не хватало. На маленький кофе и уценённую булку ещё можно было наскрести.

— Что берем? — спросила продавщица, глядя на мои грязные руки и растрепанные волосы.

— Кофе. Самый маленький. И булочку с маком. Ту, что подешевле.

Она помедлила, оценивающе оглядела меня.

— Есть черствый хлеб со скидкой пятьдесят процентов. Хотите?

— Нет, спасибо.

Я села в угол, спиной к стене. Булка была сухой, кофе остыл прежде, чем я успела сделать первый глоток. За соседним столиком женщина посмотрела на меня, и я сразу опустила глаза. Она ничего не сказала. Может, разглядывала витрину за моей спиной. Но мне казалось, что на мне всё написано: ночевала в машине, не умывалась, не знает, куда идти. Я обхватила чашку ладонями. Она уже не грела, а пальцы всё ещё зябли. Заснуть хотелось до боли в глазах, но при каждом хлопке двери я вздрагивала и смотрела на вход.

Я осушила стаканчик до дна и вышла из пекарни. Утро уже перевалило за середину, мне по-прежнему было некуда идти и некуда торопиться. Некоторое время я просто брела по улице, пока ноги сами не повернули к знакомому двору.

Последняя надежда на стабильность — работа. Мастерская реставрации мебели «Старое время», где я проработала три года на полставки. Владелец, Аркадий Львович, встретил меня в своем кабинете, не предлагая сесть.

— Вера, ситуация неприятная, — сказал он, избегая моего взгляда. Он крутил в пальцах карандаш, нервно, быстро. — В городе уже ходят слухи. Про твою квартиру, про мужа. Клиенты нервничают. Им нужна уверенность, что их вещи будут в безопасности. А тут... такой скандал.

— Я аккуратна, Аркадий Львович. Я всегда была лучшей в отделке лаковых поверхностей. Мои клиенты это знают.

— Знают, — согласился он, наконец подняв глаза. В них читался холодный расчет. — Но репутация студии дороже одного мастера. Возьми отпуск за свой счет. Пока всё не утихнет. Если не утихнет... нам придется расстаться.

Я кивнула. Слова застряли в горле. Три года я оставляла здесь фартук на своём крючке. Теперь пришлось снять его и сунуть в сумку. Аркадий Львович смотрел на карандаш, пока я возилась с рукавами.

Вечер опустился на Петербург, окутав город синими тенями. Стартер наконец сработал. Я ехала к парковке бизнес-центра «Гранит», где когда-то делала заказы для элитных клиентов. Здесь было тихо, только ветер гонял пустые пакеты по асфальту. Мне нужно было хоть куда-то пойти, хоть чем-то заняться, иначе я закричала бы прямо здесь, посреди этого равнодушного города.

Я вышла из машины. Мороз кусал открытые участки кожи. Зеркало заднего вида запотело, покрывшись слоем грязи и реагентов. В мутном стекле не различить было даже край соседней машины. Я провела по нему пальцем; на коже осталась серая полоса. Хотелось убрать её сразу, хотя бы здесь обойтись без чужого разрешения.

Я сняла шарф. Тонкий кашемир, единственный предмет одежды, который оставался чистым. Начала протирать стекло. Медленно. Аккуратно. Движение за движением, возвращая ясность. Это была механическая, почти ритуальная задача. Вернуть порядок. Хотя бы здесь. Хотя бы на этой маленькой прямоугольной поверхности.

Когда я подняла голову, у здания стоял человек. Высокий, в длинном темном пальто, руки в карманах. Он смотрел на меня. Сколько он там простоял, я не знала. От этого изучающего взгляда захотелось спрятать грязный шарф за спину.

Артур Вольфович. Я узнала его по фотографиям в деловых журналах, которые просматривал Денис, мечтая попасть в круг его влияния. Глава холдинга. Человек, который мог купить весь этот район, не моргнув глазом.

Он подошел ближе. Его шаги были бесшумными.

— Вы протираете его слишком медленно, — произнес он низким баритоном. Голос звучал спокойно, но в нем была сталь.

Я вздрогнула, обернувшись. Шарф замер в руке.

— Простите? — выдохнула я.

Артур посмотрел на мои красные от холода пальцы, на испачканную ткань шарфа, на мое лицо, полное унижения и страха. Он не улыбнулся. Он протянул мне платок. Белый, накрахмаленный, пахнущий дорогим одеколоном и сандалом.

— Стекло любит скорость и давление, — сказал он, вкладывая платок мне в руку. Его пальцы коснулись моих на секунду. Ледяные. Жесткие. — И оно любит тех, кто знает, как с ним обращаться.

Я зажала платок в ладони и взглянула на него ещё раз. Он смотрел на зеркало и на мои пальцы; не спрашивал, почему я ночую в машине. От этого стало легче поднять голову. Если речь пойдёт о работе, я хотя бы смогу ответить ему на равных.

— У меня есть поврежденный Rolls-Royce Phantom 1932 года выпуска, — продолжил он, не дожидаясь ответа. — Интерьер требует полной реставрации. Кожа потрескалась, дерево покоробилось. Работа сложная. Требует одержимости деталями. Такого уровня, какой я вижу у вас прямо сейчас.

Я молчала, не веря своим ушам. Почему он говорит со мной? Почему здесь?

— Оплата высокая. Предоставляется временное жилье. Комната в служебном крыле моей базы отдыха. Чисто, тепло, безопасно.

Артур развернулся, собираясь уйти.

— Подождите! — крикнула я, чувствуя, как страх сменяется непонятной, горячей злостью. Кто он такой, чтобы торговать моей жизнью? Чтобы смотреть на меня сверху вниз, когда я дрожу возле своей машины?

Он остановился, повернул голову. В полумраке его глаза казались черными провалами.

— Да?

— Зачем вам это? — спросила я тихо.

— Потому что мир полон людей, которые умеют только жалеть себя, — ответил он. — А мне нужны те, кто умеет полировать стекло.

Он достал визитку и положил её на капот моей машины. Маленький квадрат картона.

— Если хочешь работу, а не жалость — звони. До утра.

Артур скрылся в тени здания, растворившись в ночи так же бесшумно, как появился.

Я осталась стоять посреди парковки, дрожа от холода и адреналина. Посмотрела на свои грязные руки, на белый платок в ладони, на визитку на капоте. Страх ушел. На его место пришла злоба. Злость на то, что кто-то смеет предлагать мне сделку, когда у меня нет даже крыши над головой. Злость на Дениса, который забрал всё, кроме этих рук. Злость на себя за то, что позволила этому случиться.

Но работу он предложил за мои руки. Не за историю про мужа, не в обмен на благодарность. Я посмотрела на номер: позвонить, спросить цену, взяться за заказ. Когда пальцы согреются, я ещё смогу работать.

Я схватила визитку. Номер телефона был написан от руки. Без имени. Только цифры.

До утра.

Всего несколько часов.

Я села в машину, захлопнула дверь и впервые за сутки не заплакала.

Глава 4

Холод пробирался под куртку, как ледяная вода. Я сидела в своём старом Ford Focus, прижавшись спиной к жесткому сиденью, и пыталась уснуть. Стекло запотело изнутри от моего дыхания, превращая мир за окном в мутное серое пятно. Питерский октябрь не прощает ошибок: он высасывает тепло медленно, методично, до костей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.